

В ГЛАЗАХ советской общественности поведение молодого поэта действительно выглядело вызывающим. Он писал стихи, в которых не было ни пафоса коллективизма, ни высоких патриотических чувств... Вместо этого - сплошная осанна индивидуализму. "В каждом из нас Бог!" - самонадеянно утверждал молодой поэт, произнося в душах своих поклонников нездоровый дух волюнтаризма и откровенного пренебрежения установками партийной идеологии. Кое-кого стихи Бродского насторожили, показались опасными. Бдительные компетентные органы, призванные оберегать молодое поколение от чуждого влияния, строго предупредили поэта. Однако Бродский это предупреждение проигнорировал. Он продолжал выступать в различных аудиториях, собирая полные залы восторженной молодежи. Вот тогда-то и появилась в "Вечернем Ленинграде" эта злополучная статья...

Многоопытные друзья поэта вполне осознавали, чем грозит затеянная против Бродского кампания травли. Они уговаривали Иосифа на время покинуть город, переждать опасный период в какой-нибудь деревенской глуши. Бродский никого не слышал. Со стороны такое поведение могло показаться безрассудным. На самом деле Бродский ужас-

поэта. Бродский восторгался ее талантом художника, ее музыкальной одаренностью. Образ Марины ассоциировался в его воображении с крахановской Мадонной, одной из лучших картин Эрмитажа. Поэтесса Наталья Горбаневская, увидев Марину, поделилась с Бродским теми же ассоциациями. Иосиф был совершенно счастлив. "Я всегда говорил ей: ты - радость Краханых!" - ликовал он. И вот эта "радость" ему изменила...

Трудно со всей очевидностью предположить, что произошло в ту злополучную новогоднюю ночь с шестьдесят третьего на шестьдесят четвертый, когда на даче под Ленинградом собралась веселая молодая компания. Все собравшиеся - близкие друзья Бродского. Самого Иосифа в ту ночь среди них не было. Он находился в Москве. Поэт Дмитрий Бобышев привел Марину Басманову. Объяснил, что Бродский в свое отсутствие поручил ему заботу о девушке. Марина вела себя очень скромно, казалась застенчивой, почти ни с кем не разговаривала. Только иногда загадочно улыбалась, глядя на буйное веселье, которое благодаря неумеренным возлияниям стремительно перерастало в загул. Вполне возможно, что самолюбивая девушка болезненно переживала отсутствие к себе должного вни-

то что стараниями таких корифеев отечественной культуры, как Чуковский, Маршак, Анна Ахматова, Бродского удалось досрочно освободить, несмотря даже на рождение сына, она все-таки опять от него уходит. Бродский снова один. Вернее, один на один со своей Поэзией. Вот здесь он - полновластный хозяин. И потому в его стихах по-прежнему живет та, на кого он продолжает молиться. Ни диссидентских, ни антисоветских стихов Бродский принципиально не пишет. Он вне политики. Все, что он сочиняет, - просто не советское. И это опять кого-то настораживает. Бродскому настойчиво предлагают покинуть страну. Фактически - насильно из нее выдворяют. Местом постоянного проживания поэт избирает Америку. Теперь он может наконец не только сочинять, но и публиковаться. Смешно сказать, в родной стране до сих пор было напечатано только четыре стихотворения и несколько переводов. И это из сотен и сотен уже написанных произведений...

Бродский был прав: разрушительная сила Времени коснулась и его чувств. "Черт лица, говоря откровенно, не вспомнить уже", - признается он в очередном посвящении Марине Басмановой. А потом следует и вовсе злое признание: "Прощай, подруга... Я позабыл тебя..."

Дальше - больше. Спустя почти три десятилетия после первого посвящения Бродский адресует Марине последнюю, прощальную стихотворение. Издатели отказывались его печатать - так о женщине, пусть даже любимой в прошлом, не говорят. Но Бродский настоял. Среди прочих убийственных строк там есть и такие:

"Четверть века назад ты питала
пристрастие к люля и к финикам,
рисовала тушь в блокноте,

немножко пела,

развлекалась со мной; но потом сошла

с инженером-химиком

и, судя по письмам, чудовищно поглупела".

Бродский будто мстит своей бывшей возлюбленной. Неужели не понимает, как выглядит эта его запоздалая месть? Но не будем спешить с выводами. Бродский не был бы Бродским, если бы остановился на этом... Вернемся к фактам биографии поэта. В январе 1990 г. на лекции в Сорбонне Бродский увидел среди своих студентов Марию Соззани. Юная красавица-итальянка русского происхождения, она словно сошла с полотен великих мастеров Возрождения. Сошла, чтобы войти в его, Иосифа Бродского, одинокую жизнь... Немыслимое счастье осуществилось - 1 сентября Иосиф Бродский и Мария Соззани поженились. Через два года у них родилась дочь - ангельское создание Анна Александра Мария, по-домашнему просто Нюха... Близкие друзья Бродского утверждают, что пять лет с Марией были для него счастливее, нежели предыдущие пятьдесят. И вот в это самое благословенное время из-под пера поэта появляется стихотворение с прежним, казалось бы, уже давно канувшим в прошлое, посвящением - все той же М. Б. Стихотворение явно знаковое - оно написано в день Рождества Христова 25 декабря 1993 года.

Что нужно для чуда? Кожух овчара,
щепотка сегодня, крупица вчера,
и к пригоршне завтра добавь на глазок
огрызок пространства и неба кусок.
И чудо свершится...

Неужели чувство к Марине Басмановой до сих пор не изжито? Или, может быть, стихотворение имеет совсем другого адресата? Обратим внимание на инициалы жены Бродского - Марии. Поразительное совпадение! У нее те же инициалы, что и у Марины Басмановой. Значит, можно предположить, что стихотворение посвящено жене, а не бывшей подруге? Ведь ничего подобного в посвящениях Марине Басмановой никогда не было. Там - почти всегда трагическое предвестие грядущих утрат, а тут - безоглядная вера в Чудо, в его непренную доступность... Как в этом разобраться?

Выручает литературная аналогия. Семьсот лет назад великий итальянский поэт Данте Алигьери создал книгу стихов - цикл лирических посвящений своей возлюбленной Беатриче. Сюжет этой книги поразительно созвучен любовной истории Иосифа Бродского и Марины Басмановой. Вместо счастья любовь доставляет Данте острую боль. Странная поэма столь глубоки, что он, дабы уцелеть, внушает себе одну мысль: "Беги ее или смерть познаешь ты". Смерть, однако, выбирает не его, а возлюбленную. В неутомном своем горе поэт вдруг находит новый смысл люб-

Мучительные выяснения отношений доводили Бродского до мысли о самоубийстве.

но страдал, но совсем по другой причине. Как раз в это время он переживал личную драму - ему изменила возлюбленная. Ушла к его же другу, тоже поэту. И это двойное предательство - друга и любимой женщины - затмило для него все остальное, в том числе угрозу готовящейся расправы. Горе двадцатитрехлетнего поэта было безутешным. Он не мог поверить, что любимая ушла навсегда. Надеялся, что она одумается, вернется. Безмерно страдая, он не переставал ждать... готов был простить измену... Мог ли он в таком состоянии думать о своей безопасности?

Между тем репрессивный механизм был уже запущен. Возмездие за непослушание не заставило себя ждать. Спустя два с половиной месяца после газетной публикации затевается судебный процесс, которому суждено будет войти в историю мировой литературы как "дело Иосифа Бродского". Никто из организаторов "дела" и помыслить не мог, куда оно их всех заведет. Стенограмма судебного заседания, сделанная писательницей Вигдоровой, моментально распространилась и принесла молодому поэту мировую известность. Эта же стенограмма дала общественности исчерпывающее представление о людях, которым поручено было этот так называемый суд вершить. Судья Савельева, например, требовала от подсудимого ответить на такой вопрос: "А кто причислил вас к поэтам?" На что получила дерзкий ответ: "А кто причислил меня к роду человеческого?"

Подсудимый будто издевался над советским судом. Он вел себя самоуверенно, высокомерно, чем приводил обвинителей буквально в бешенство. Вывод общественного обвинителя Сорокина был однозначен:

"Наш великий народ строит коммунизм. Процветает только то общество, где нет безделья. Бродский далек от патриотизма... На протяжении многих лет ведет жизнь тунеядца... Он принадлежал к компании, которая сатанинским хохотом встречала слово "труд"... Особным успехом пользуется здесь набор порнографических слов и понятий. Например, Шахматова Бродский называл сэром!.. Бродского надо заставить трудиться насильно. Он - тунеядец, хам, прощелыга, идейно грязный человек. Надо выселить его из города-героя..."

Что это было? Трагедия? Фарс? Или, может быть, то и другое одновременно? В дни и месяцы, следовавшие за приговором, оказавшись в глухой архангельской деревушке Норенская, Бродский не очень-то задумывается над этим. Все его помыслы по-прежнему устремлены к той, единственной, кого он, несмотря на измену, продолжает безумно любить. Драматизм собственной ситуации рассматривается только сквозь призму безответного чувства. "Боль разлуки с тобой вытесняет действительность", - признается он в одном из стихотворений, посвященных возлюбленной.

Первые стихи Бродского с загадочным тогда еще посвящением "М.Б." датированы июнем шестьдесят второго года. Инкогнито этих инициалов давно раскрыто. За ними - Марина Басманова, главная и, может быть, единственная любовь поэта. Первые строфы, обращенные к ней, совершенно не предвещают того накала страстей, который вскоре между ними возникнет.

Ни тоски, ни любви, ни печали,
ни тревоги, ни боли в груди,
будто целая жизнь за плечами
и всего полчаса впереди.

При всей своей пронзительности Бродский на этот раз ошибся. С Мариной Басмановой будет у него все - и тоска, и любовь, и печаль, и боль - сердечная мука на целых три десятилетия вперед, практически на всю оставшуюся жизнь.

КТО-ТО из критиков мудро заметил: "Понять поэта - значит разгадать его любовь". Попробуем последовать этому совету - понять поэзию Бродского, разгадав тайну его лирических посвящений.

Загадочная "М. Б." - Марина Басманова... Большинство из тех, кто знал эту девушку, отмечают ее несомненную привлекательность. Стройная, высокая, с мягким овалом лица, темно-каштановыми волосами до плеч и зелеными глазами русалки, она буквально приворожила молодого

поэта. Чем еще можно объяснить тот в высшей степени экстравагантный поступок, который она позволила себе под утро уже наступившего Нового года? Видимо, утратив всякий контроль над своими действиями, она подошла к занавеске на окнах и стала любоваться вспыхнувшим пламенем. Огонь погасили. Но скоро выяснилось, что девушка подожгла не только занавески, в ту ночь она испепелила и собственные чувства...

После возвращения Бродского из Москвы Бобышев помчался к нему с объяснениями. Никто не знает, о чем говорили бывшие друзья. Известно одно - Бродский Дмитрия не простил, навсегда вычеркнул его из списка своих знакомых. Но Марину он ждал. Жаждал увидеть. Никуда поэтому из Питера не уезжал... 13 февраля его арестовали.

Поглощенный мыслями о Марине, Бродский почти не заметил изменения своего социального статуса. Ну арестовали... Ну осудили... Ну сослали... Какое это имеет значение, когда душа переполнена совсем другим? Душа по-прежнему ищет, окликает возлюбленную... Ее стенания уже заполняют всю Вселенную... "Где ты! Вернись! Отвесь! Боже, зачем скрываешься! Боже, зачем молчишь?.. Боже, снегом зачем след ее застилаешь!"

Сердечные страдания выплескиваются на бумагу. Под пером Бродского возникает нечто эпическое, былинное - плач по "уснувшей" красавице: "Боже, услышь мольбу: дай мне взлететь над горем... Дай ее разбудить!"

Могли ли столь страстные заклинания остаться без ответа? Слово Поэта вознеслось до небес, дошло до самого Всевышнего. И произошло чудо. В один прекрасный день пред очами опального поэта появляется видение. Воскресшая из долгого небытия Марина Басманова... Забегая вперед, отметим, что впоследствии, став уже всемирно известным поэтом, нобелевским лауреатом, Иосиф Бродский неоднократно говорил, что ссылка в Норенскую оказалась для него едва ли не самым счастливым временем в жизни. Уж не потому ли, что часть срока, отмеренного ему судом, возле него находилась любимая женщина?.. Счастье с Мариной, однако, было весьма своеобразным. Любимая рядом, а поэт почему-то не покидает ощущение грядущей утраты, неизбежности разрыва:

"Чем тесней единенье,
тем крошечней разрыв".

Кажется, повторяется то, что уже было на заре их любви. Светлые, счастливые дни вдруг сметались ураганом взаимных обвинений, упреков. Мучительные выяснения отношений доводили впечатлительного молодого человека до мыслей о самоубийстве. Но потом все успокаивалось, сквозь тучи снова проглядывало солнышко... Впрочем, в настоящей любви, наверное, так и бывает. Ссоры... Сбли-

Марина подожгла занавески и стала любоваться пламенем.

жения... Страсть... Главное - соотношение этих состояний. И совместимость натур... Находиться рядом с поэтом дано не каждому. Мощное силовое поле, в котором постоянно пребывает его Дух, способно испепелить простого смертного. Вполне возможно, что Марина Басманова не выдерживала интенсивности существования и того напряжения, которые исходили от Бродского. Возможно - и это тоже можно понять - она хотела обыкновенного женского счастья. Он же предлагал Вселенную - со всей неразрешимостью вечных ее вопросов. Что делает Время с человеком? Что делает Время с миром, с Пространством? Поэта волнует незащищенность Пространства, а стало быть, и человека перед натиском поглощающего его Времени... Можно ли этому натиску противостоять?.. Выводы Бродского неутешительны - мир обречен, а человек тем более. Вот откуда гнетущее предощущение разрыва - не только с любимой женщиной, но и с миром, с эпохой, вообще с пространством самого Бытия...

Объективно никаких показаний на счастливую совместность у Бродского и Марины Басмановой не было. Видимо, она трезво оценивала свои перспективы. Несмотря на

ви - благоговейное созерцание ее совершенств, вечная хвала Возлюбленной, которая силой поэтического воображения преобразуется из земной донны в божественную Мадонну... Подобная метаморфоза обнаруживает новый философский смысл любви - ее стремление к духовному обновлению. Книгу стихов, посвященную несравненной Беатриче, Данте так и назвал - "Новая жизнь".

То же духовное обновление, видимо, пережил и Бродский. Встреча со своей Мадонной открыла ему новый взгляд на любовь, вознесла до понимания ее как божественной благодати, которая призвана облагородить душу возлюбленного. С высоты своего нового взгляда он и обернулся назад, адресовав своей бывшей возлюбленной стихи о Чуде...

Увы, это всего лишь наше предположение. Истину знает только сам поэт, похороненный восемь лет назад на острове Сан-Микеле в Венеции.

Владимир ФАРАДЖЕВ

Фотографии с сайта
"Музей Иосифа Бродского в интернете"
и из книги "Диалоги с Иосифом Бродским"